

НИКИТИН Олег Анатольевич — помощник начальника Военного университета Министерства обороны РФ (123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14; Nikitinoleg696@mail.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-БОЕВЫХ КАЧЕСТВ У ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРМИИ В XVIII в.

Аннотация. В статье раскрываются условия и особенности комплектования русской армии XVIII в. офицерскими кадрами. На основе сопоставления характеристик офицерского корпуса в начальный период создания регулярной армии и в конце правления Екатерины II автор делает вывод о том, что в результате принятых государством мер русская армия получила высокопрофессиональный офицерский корпус, в большинстве своем состоящий из национальных кадров, морально и психологически готовый с оружием в руках отстаивать интересы самодержавия против внешних и внутренних врагов.

Ключевые слова: регулярная армия, военные кадры, офицерский корпус, морально-психологические качества, генералы, офицеры, гвардия

Армия Российской империи в XVIII в. была наиболее мощной и организованной силой в обществе, выступающей гарантом стабильности самодержавного государственного строя. Офицерство же было главной опорой царизма в армейских рядах. Поэтому государство было крайне заинтересовано в создании таких условий, при которых офицер был бы лично предан императорскому дому и отличался высоким моральным духом.

В период формирования регулярной армии число офицеров было невелико. В 1695 г. в военных кадрах Иноземского приказа насчитывалось 1 307 офицеров [Автократов 1959: 239]. В ходе Северной войны (1700–1721) оно увеличилось до нескольких тысяч и к 1720 г. составило 5 тыс. чел. В 1803 г. в армии служили 12 тыс. офицеров [Волков 1993: 69].

По своему социальному составу офицерский корпус русской армии обозначенного периода был полностью дворянским. Причем если в 1720 г. недворянское происхождение имели до трети офицеров, то во второй половине XVIII в. подавляющее большинство офицеров являлись выходцами из потомственного дворянства [Троицкий 1974: 222].

На протяжении всего XVIII в. в русской армии постоянно уточнялась кадровая политика в отношении приема на службу офицеров-иностранцев. Так, во времена Петра малокультурность страны заставляла обращаться только к двум основным источникам комплектования армии офицерским составом — дворянству и иностранцам. «Новоприборными» полками, учрежденными Петром I к лету 1700 г. (27 пехотных и 2 драгунских), командовали, за исключением одного, иностранцы, приглашенные на службу в Россию. Некоторые из иностранных офицеров были честными и знающими специалистами, однако большинство были равнодушны к интересам русской армии, имели психологию наемников, а следовательно, отличались низкими морально-психологическими качествами.

Петр I понимал, что такой большой процент иностранных офицеров в русской армии таил в себе серьезную опасность, и хорошо помнил урок Нарвы. (В 1700 г. в сражении под Нарвой иностранные офицеры, находившиеся на русской военной службе, проявили себя с самой худшей стороны — сдались в плен чуть ли не в полном составе во главе с главнокомандующим герцогом де Кроа [Андрианов 2007: 42].)

Прибегая к комплектованию офицерского корпуса из числа иностранцев как к вынужденной мере, Петр I после Нарвы не доверял европейцам ключевых постов в армии. В период его правления все три генерал-фельдмаршала были русскими. Из 7 полных генералов 4 были русскими и 3 — иностранцами, из 7 генерал-лейтенантов — 2 и 5, из 23 генерал-майоров — 16 и 7 соответственно [Бойко 1999: 12].

С 1711 г. Петр стал проводить сознательную политику вытеснения из армии «заморских» офицеров и подготовки национального офицерского корпуса. В итоге в 20-х гг. XVIII в. офицерский корпус на 9/10 состоял из русских офицеров.

Елизавета Петровна принимала иностранных офицеров на русскую службу крайне неохотно (особенно генералов), но число их оставалось значительным.

Новый прилив иностранных офицеров отмечен в короткое царствование Петра III и был вызван как субъективными пристрастиями этого монарха, так и объективно возросшей потребностью в офицерских кадрах, поскольку после указа 1762 г. о вольности дворянства некоторая часть русских офицеров оставила службу и приток дворян на службу также несколько уменьшился. Екатерина II, проводившая ярко выраженную национальную политику, ограничила прием иностранцев на службу.

В течение всего XVIII в. статус офицера в российском обществе был велик. Военнослужащие с получением офицерского звания обретали большое преимущество перед лицами, имевшими гражданские чины. Так, на гражданской службе потомственное дворянство достигалось лишь с получением чина VIII класса (коллежского асессора), а чины IV–VII классов давали их обладателям только личное дворянство (если они не были потомственными дворянами по происхождению), передававшееся жене, но не детям. Офицеры же сразу становились потомственными дворянами.

После указа о вольности дворянства 1762 г., освободившего дворян от обязательной службы, преимущества служивых дворян перед неслуживыми увеличились, проявляясь даже в мелочах. В частности, по манифесту Екатерины II от 1775 г. дворянам, не имеющим обер-офицерского чина, разрешалось ездить по городу не иначе как верхом или в одноколке на одной лошади. Офицерам же разрешалось ездить вдвоем [Познанский 1975: 22].

Преимущества офицеров способствовали тому, что дворяне избирали, как правило, военную карьеру, и подавляющее большинство дворян в XVIII в. были офицерами. Не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина второй половины XVIII в. считалось неприличным.

В петровский период до получения офицерского чина дворянину необходимо было прослужить определенный срок рядовым в Преображенском или Семеновском гвардейских или других полках. В результате первое сословие оказалось жестко закрепощенным военной службой. Праздную жизнь в усадьбах заменила полная опасностей служба в полках и на кораблях.

Иная практика получения первого офицерского чина существовала во второй половине XVIII в. Дворяне в России с 1762 г. поступали на военную службу добровольно и зачислялись в свои воинские части сразу унтер-офицерами, первые 3 месяца исполняя обязанности рядового, но в унтер-офицерском мундире¹. По «Инструкции конного полка полковника» 1766 г., основные положения которой действовали и в 1812 г., командир полка имел право принимать дворян в свой полк с 15-летнего возраста. Срок выслуги дворянина в унтер-офицерском звании до получения обер-офицерского чина определен не был, но особо оговаривалось их преимущество перед не дворянами в получении первых обер-офицерских чинов, невзирая на старшинство пребывания в унтер-офицерских чинах или нахождение последних в более высоком унтер-офицерском чине².

В основе чинопроизводства офицеров при императоре Петре I лежал принцип личных заслуг, что было юридически закреплено в указе от 1 января 1719 г. «О производстве в воинские чины и о замещении вакансий». Этот указ требовал: «1) чтобы никакого человека ни в какой офицерский чин не допускать из офицерских детей и дворян, которые не будут в солдатах гвардии, включая тех, которые из простых выходят станут по полкам, 2) чтобы чрез чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить, 3) чтобы выбирать на вакансии баллотированием из двух или трех кандидатов» [Глиноецкий 2000: 25].

Во второй половине XVIII в. при повышении офицера в чине петровский прин-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗРИ-1). СПб. 1830. Т. XXIV. № 17 590.

² ПСЗРИ-1. Т. XVII. № 12 543.

цип баллотировки (т.е. путем тайного голосования всех офицеров части) уже не использовался. Вместо этого предписано было повышать офицеров в чинах «по старшинству и достоинству». Такой порядок позволял, с одной стороны, избегать крайнего произвола в продвижении по службе, давая каждому офицеру определенные гарантии повышения (по крайней мере, в зависимости от ситуации убывали офицеров в своей части), а с другой — открывал возможность поощрять наиболее способных.

Основным поставщиком офицерских кадров в означенный период являлась гвардия, где большинство солдат были дворянами. Во второй половине XVIII в. имела место тенденция к расширению возможностей подготовки офицеров в военно-учебных заведениях.

Оценивая качество офицерского корпуса XVIII в., его моральную готовность к выполнению боевых задач, можно отметить следующее. Петровская практика производства в офицеры привела к тому, что к концу Северной войны Россия обладала первоклассным офицерским корпусом. 83,7% командного состава начали свою службу рядовыми и были произведены в офицеры за заслуги, раны, боевые отличия [Россия в период... 1973: 170]. Около 40% офицеров были выходцами не из дворянского сословия, а стали дворянами со всеми вытекающими отсюда привилегиями при получении первого офицерского чина¹.

Для большинства офицеров второй половины XVIII в. было характерно стремление непосредственно принять участие в военных действиях, и обычно с началом войны шел поток рапортов о переводе в те полки, которые находились в составе действующей армии. Отмечая высокую смелость и храбрость русских офицеров в войнах конца XVIII в., Ланжерон писал: «...я видел русских офицеров во всех опасных случаях, в которых сам находился вместе с ними, подающими пример храбрости и неустрашимости своим солдатам... Потеря офицерами была пропорционально на одну треть больше потери солдатами...» [Ланжерон 1895: 169].

Вместе с тем справедливости ради следует обратить внимание и на некоторые «темные стороны» офицерского корпуса, которые особенно остро обозначились в конце XVIII в. и негативно влияли на морально-нравственный климат в офицерских коллективах.

Во-первых, в это время широкое распространение в армии получают злоупотребления служебным положением, казнокрадство, которые в екатерининские времена стали следствием чрезмерной автономии в управлении и бесконтрольности действий военных чиновников и командиров всех степеней. Много лет спустя граф Л.-Ф. де Сегюр, в 1785–1789 гг. являвшийся послом Франции в России, так описывал один из своих разговоров с Потемкиным: «Он сказал мне, что русская армия состояла из 230 000 человек регулярных и 300 000 нерегулярных войск. Но я узнал из довольно достоверных источников [*des voies assez sures*], что она далеко не достигала такой полноты, что дисциплина ее и обучение были в небрежности, что при беззаботности князя полковые командиры наживались так, что даже не скрывали этого и считали делом совершенно естественным и законным получать таким образом от 20 до 25 тыс. рублей ежегодной прибыли» [Записки... 1865: 73].

Во-вторых, в процессе чиновного производства «расцвели пышным цветом и свили себе прочное гнездо в армии» протекционизм и фаворитизм. Пример задавала сама императрица Екатерина II, имевшая множество фаворитов, занимавших важнейшие должности в армейской иерархии. Это явление не обошло стороной и ее выдающихся соратников, включая Румянцева, Суворова, Потемкина². Автор исследования полагает, что протекционизм той эпохи нельзя признать только как явление негативного характера. Часто на основании полученных рекомендаций и влиятельной поддержки вверх по служебной лестнице продвигались талантливые военнослужащие, принесшие своими ратными трудами большую пользу Отечеству. Благодаря связям и высоким протекциям возникали целые военные династии.

¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Кн. 1, отд. 3. С. 203.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 5. Оп. 1. Д. 181. Л. 15.

Источником офицерской «распушенности» стали обласканные еще со времен Елизаветы Петровны гвардейские части, которые в исследуемый период изменили свое предназначение и стали использоваться не для военных действий, а для охраны императорских особ. Н.А. Морозов писал: «Гвардия же до такой степени мало отвечала понятию “войск”, что появился известный проект кн. Репнина — передать ее из военного ведомства в придворное... в обход Петровского закона, по которому для производства в офицеры требовалось пройти тяжелую солдатскую лямку, люди с протекцией стали записывать детей рядовыми в гвардию еще в младенчестве; известен случай зачисления на службу нижним чином еще до рождения... Нахватав чинов с колыбели, молодые безусые юнцы чуть ли не сразу получали полки и являлись, таким образом, начальниками боевых, заслуженных ветеранов» [Морозов 1909: 45].

В-третьих, негативное влияние на офицерскую среду в исследуемый период оказывали такие пороки, как азартные игры, пьянство.

Подводя черту сказанному, можно утверждать, что в исследуемый период, несмотря на некоторые отрицательные стороны офицерской службы, государственное и военное руководство нашло оптимальные формы ее устройства, сумело добиться такого состояния морального духа офицерства, которое реально способствовало повышению боеспособности вооруженных сил. Как и в прежние времена, в основе офицерской морали лежало выполнение воинского долга перед Отечеством. Офицер воспитывался в представлении о благородстве и почетности своей миссии, в осознании своей высокой роли в жизни страны. Большая часть офицерских коллективов в действующих армиях характеризовались сплоченностью и высоким товарищеским духом. Бесконечные военные походы сплотили в одну семью офицерство не только одного полка, но и дивизии и даже всей армии.

Список литературы

Автократов В.Н. 1959. *Военный приказ (К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в.)*. М.: АН СССР. 459 с.

Анрианов П.М. 2007. Эпоха Петра Великого. — *История русской армии* (под ред. С. Потрашкова). М.: Эксмо.

Бойко С.М. 1999. *Иностранцы специалисты в русской армии и флоте (XVIII век)*: автореф. дис. ... к.и.н. М. 24 с.

Волков С.В. 1993. *Русский офицерский корпус*. М.: Воениздат. 368 с.

Глиноецкий Е. 2000. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновпроизводства в Русской армии. — *Российский военный сборник*. М.: ВУ. 639 с.

Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). 1865. СПб. 386 с.

Ланжерон А.Ф. 1895. Русская армия в год смерти Екатерины II. — *Русская старина*. Т. 83. № 4. С. 145–177.

Морозов Н.А. 1909. *Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. Исторический очерк из эпохи наполеоновских войн и времен плац-парада*. Вильна. Электротипография «Русский почин». 214 с.

Познанский В.В. 1975. *Очерк формирования русской национальной культуры*. М.: Мысль. 223 с.

Россия в период реформ Петра I: сборник статей. 1973. М.: Наука. 384 с.

Троицкий С.М. 1974. *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке*. М.: Наука. 396 с.

NIKITIN Oleg Anatolievich, Assistant to the Commander of the Military University of the Ministry of Defense of Russia (14 Bolshaya Sadovaya St, Moscow, Russia, 123001; Nikitinoleg696@mail.ru)

FORMATION OF MORAL AND FIGHTING QUALITIES OF THE OFFICERS OF THE RUSSIAN ARMY IN THE 18TH CENTURY

Abstract. The article discusses the conditions and characteristics of recruitment of the officers for the Russian army in the 18th century. Comparing the officer corps in the period of the creation of the regular army and at the end of the reign of Catherine II the author concludes that government measures resulted in the formation of highly professional officer corps, mainly Russians, that was morally and psychologically ready to protect the monarchy against external and internal enemies.

Keywords: regular army, military personnel, officer corps, moral and psychological qualities, generals, officers, guards

ХАРИСОВА Алина Ринатовна – научный сотрудник лаборатории исторической и политической информатики кафедры Новейшей истории России историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; alina.perm@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗЕМСТВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЖУРНАЛАХ ЗЕМСКИХ СОБРАНИЙ (1906–1914 гг.)

Аннотация. На примере журналов земских собраний Пермской губернии анализируется процесс организации земской деятельности: избрание на должности, функционирование, обеспечение земской службы. Ставится вопрос информационного потенциала журналов земских собраний в изучении проблем организации земской деятельности.

Ключевые слова: Пермская губерния, земство, исторические источники, журналы земских собраний, организация деятельности

Журналы земских собраний являются одним из основных делопроизводственных источников по истории земств. В том числе в них содержится информация об организации земства и земской работы. Исследователи обращались к данным проблемам еще в период работы земских учреждений. В дореволюционных исследованиях анализ журналов земских собраний и история Пермского земства в целом не выделялись в отдельные проблемы, интерес к источнику был выражен лишь в рамках общей тенденции исследования земств. Но уже в этот период проблема соотношения работы губернских и уездных земств, организации земской работы стала актуальной.

Встает вопрос, насколько журналы земских собраний как источник информативны для изучения проблемы организации земства и земской работы.

Еще в период становления земств земские деятели считали важным разрешить этот вопрос для дальнейшего функционирования учреждений. Одной из первых обобщающих работ по местному управлению стало исследование А.В. Лохвицкого. В литературе, изучающей губернский и уездный административный аппарат, рассматривался статус и взаимоотношения государственной администрации и органов местного (прежде всего, земского) самоуправления. А.В. Лохвицкий охарактеризовал в первую очередь земское самоуправление на основе «Положений о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. Журналы он рассматривал как способ контроля гласных за действиями земской управы [Лохвицкий 1864: 225–226].

Важность журналов земских собраний как источников по истории земств отметил Б.Б. Веселовский в своем четырехтомнике «История земства за сорок лет». Рассматривая вопросы деятельности земских учреждений, включая Пермское земство, Веселовский выделял и аспекты организации работы земских органов [Веселовский 1912: 237–238].

После революции 1917 г. новый виток интереса к органам местного самоуправления начался с середины 50-х гг. XX в.